

УДК 343.8

Ф.В. Грушин, кандидат юридических наук, докторант Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации
(e-mail: Fedor062@yandex.ru)

ВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются особенности влияния практики Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) на формирование уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства. Анализируются отдельные решения ЕСПЧ в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных – граждан Российской Федерации (РФ). Приводится современная позиция Конституционного Суда РФ по поводу решений ЕСПЧ. Дана оценка реакции ФСИН России на выводы и предложения, сделанные в решениях ЕСПЧ.

Ключевые слова: решения ЕСПЧ, уголовно-исполнительное законодательство, факторы, Конституционный Суд РФ, уголовно-исполнительная система, осужденные.

На формирование уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства оказывают влияние самые разные факторы, начиная от экономических [1, с. 125–130] и заканчивая правовым и моральным сознанием общества [2, с. 7]. Особое место в данной системе занимают решения Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ).

Ратифицировав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ), Российская Федерация признала *ipso facto* (лат. – в силу самого факта) и без специального соглашения юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения РФ положений этих договорных актов, когда оно имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации. С этого момента практика ЕСПЧ стала значимым фактором формирования государственной политики в сфере защиты прав, свобод и законных интересов граждан, неизбежно затронув и сферу исполнения наказаний.

Особое значение она приобрела после того, как 12 мая 2004 г. Комитет Министров Совета Европы, надзирающий согласно ст. 46 Конвенции за исполнением постановлений ЕСПЧ, принял Резолюцию Res 3 (2004) относительно решений, раскрывающих системную проблему, заложенную в основе нарушения, где в целях оказания помощи соответствующему государству в поиске приемлемого решения ЕСПЧ было рекомендовано, насколько это возможно, отмечать в своих постановлениях не только факт нарушения Конвенции, но и указывать на системную проблему и источник этой проблемы, особенно когда она имеет место быть в многочисленных жалобах. По мнению А.И. Ковлера, это требование преимущественно было обусловлено тем, что обязанность принятия индивидуальных и общих мер, вменяемая государству-ответчику, по устранению последствий констатируемых Судом нарушений чаще стала входить в противоречие с «застарелыми» проблемами в правовой системе ряда государств, с одной стороны, требующими серьезных изменений в национальном законодательстве, с другой – порождающими появление значительного числа повторяющихся («клоновых») жалоб [3, с. 6–13].

Несмотря на то, что количество жалоб по линии уголовно-исполнительной системы (УИС) РФ согласно статистике обращений в ЕСПЧ остается незначительным, принимаемые по ним решения так или иначе сказываются на проводимой уголовно-исполнительной политике. Показатель-

но в этом смысле «пилотное» постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г., вынесенное по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России», где перед Российской Федерацией была поставлена задача безотлагательного внесения изменений в законодательство ввиду выявления структурной проблемы бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, а также отсутствия эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений. Таким образом, возникла необходимость разработки и утверждения Плана по исполнению данного постановления, который кроме прочего предусмотрел разработку проекта Федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также проработку вопроса о совершенствовании ведомственного нормативного правового регулирования и правоприменительной практики с внесением при наличии оснований предложений по их корректировке в свете правовых позиций ЕСПЧ. В порядке реализации запланированных мероприятий по выполнению данного постановления ЕСПЧ приняты 9 федеральных законов, а также одно постановление Правительства Российской Федерации и ряд ведомственных нормативных правовых актов [4]. Однако некоторая часть содержащихся в нем положений в части улучшения условий содержания подозреваемых и обвиняемых так и не была реализована, несмотря на обозначенные сроки исполнения содержащихся в нем предписаний.

В ряде случаев ФСИН России ограничивается направлением инструктивных писем, содержащих предписания об устранении нарушений, выявленных ЕСПЧ по результатам рассмотрения обращений граждан. Так, после вступления в силу решения ЕСПЧ по делу № 37024/02 «Севастьянов против Российской Федерации» директор ФСИН России, обратив внимание на прецедентный характер решений ЕСПЧ и обязательность их выполнения для государств – членов Совета Европы, потребовал обеспечить контроль за созданием осужденным и лицам, содержащимся под стражей, условий содержания, соответствующих нормам международного права, положениям международных договоров Российской Федерации и федеральных законов; исключить случаи воспрепятствования направлению обращений подозреваемых, обвиняемых и осужденных адресатам; установить контроль за своевременностью вручения адресатам писем, поступающих из ЕСПЧ, в запечатанном виде (под роспись); а при выявлении случаев направления жалоб подозреваемых, обвиняемых и осужденных в ЕСПЧ проводить проверку соблюдения прав и законных интересов заявителей, в первую очередь условий содержания, в том числе касающихся соблюдения нормы санитарной площади на 1 человека, с приобщением к личным делам заявителей документов об улучшении условий содержания и соблюдении их прав для последующей защиты интересов Российской Федерации в ЕСПЧ. Кроме того, было предписано организовать изучение сотрудниками учреждений и органов УИС указанного постановления с целью принятия мер по недопущению указанных в нем нарушений в деятельности подчиненных учреждений УИС [5].

Вместе с тем нельзя не отметить, что значение практики ЕСПЧ объективно снизилось в свете позиции Конституционного Суда РФ, сформированной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, где в частности было отмечено, что «правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации». Подписание международных договоров и участие в межгосударственных объединениях, предполагающее передачу им части своих полномочий не означает отказ от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующим ее конституционно-правовой статус (постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П). Соответственно постановление ЕСПЧ не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором оно основано, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (лат. *jus cogens*), к числу которых относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, и

принцип невмешательства во внутренние дела государств. Из этого также следует вывод, что гармонизация российского права с конвенционным, толкование и применение которого осуществляются ЕСПЧ в процессе рассмотрения конкретных дел, допустима лишь настолько, насколько она не порождает противоречий с Конституцией РФ.

При этом Конституционный Суд РФ сослался на аналогичную практику Конституционных Судов Австрии, Италии и ФРГ, отметив, что последний неоднократно высказывал свое мнение относительно «ограниченной правовой силы постановлений Европейского Суда по правам человека» в своих постановлениях от 11 октября 1985 г., от 14 октября 2004 г. и от 13 июля 2010 г., полагая, что во внутреннем правопорядке Конвенция о защите прав человека и основных свобод имеет статус федерального закона и наряду с практикой ЕСПЧ служит только ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного Закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых Основным Законом ФРГ; решения ЕСПЧ не всегда обязательны для исполнения судами ФРГ, но и не должны полностью оставаться без внимания; национальной юстиции следует учитывать эти решения надлежащим образом и осторожно приспосабливать их к внутреннему законодательству.

В этом смысле нельзя не отдать должное самому ЕСПЧ, который, настаивая на изменении национального законодательства, оговаривает, что его задачей не является указание наиболее целесообразного способа введения необходимых внутренних средств правовой защиты. Государство может внести изменения в существующий ряд средств правовой защиты или добавить новые средства для обеспечения реально эффективного возмещения в связи с нарушением конвенционных прав с учетом выводов и рекомендаций ЕСПЧ. Именно государство должно обеспечить под надзором Комитета министров соблюдение новым средством правовой защиты или сочетанием таких средств в теории и на практике требований Конвенции, изложенных в Постановлении.

ЕСПЧ попытался проявить некоторую гибкость и при вынесении постановления по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», в котором наличие в российском законодательстве ограничения избирательного права лиц, осужденных по приговору суда, было признано нарушением ст. 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что прямо противоречит ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, согласно которой не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда [6]. Указывая на обязанность заинтересованных государств избирать под надзором Комитета министров средства, которые должны быть применены в рамках национальной правовой системы для исполнения обязательства с точки зрения ст. 46 Конвенции, он принял к сведению довод представителей Российской Федерации о том, что обжалуемое ограничение содержится в главе Конституции России, изменения или пересмотр которой могут повлечь особо сложную процедуру, обратив внимание на возможность реализации различных подходов для разрешения вопроса о праве осужденных, заключенных на участие в голосовании. Учитывая, что функция ЕСПЧ в принципе заключается в определении совместимости с Конвенцией существующих мер, государство-ответчик имеет возможность исследовать все возможные способы в этом отношении и решить, может ли быть достигнуто соблюдение ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции за счет некой формы политического процесса или истолкования Конституции России компетентными органами – в первую очередь российским Конституционным Судом – в соответствии с Конвенцией таким образом, который позволит координировать их действия и избежать конфликта между ними.

Последний, поднимая проблему коллизий между позицией ЕСПЧ и положениями Конституции РФ, обратил внимание на то, что согласие Российской Федерации на исполнение подобного постановления означало бы нарушение ею ч. 1 ст. 15, ч. 3 ст. 32 и ст. 79 Конституции РФ либо – в силу ее ст. 135 – необходимость принятия новой Конституции, притом что присоединение к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и участие в ней России как правового демократического государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, обусловлено самим принятием, соблюдением и действием Конституции РФ.

Таким образом, решения ЕСПЧ представляют собой весьма важный фактор, определяющий развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Вместе с тем с учетом постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П значение решений ЕСПЧ в последнее время снизилось.

1. Грушин, Ф.В. Состояние экономики как фактор, определяющий уголовно-исполнительную политику, уголовно-исполнительное право и законодательство / Ф.В. Грушин // Б-ка криминалиста. – 2015. – № 6. – С. 125–130.

2. Ковлер, А.И. Новые тенденции в практике Европейского Суда по правам человека: «Пилотные постановления» о «структурных проблемах» / А.И. Ковлер // Права человека. – 2006. – № 5. – С. 6–13.

3. Уткин, В.А. Уголовно-исполнительное право : учеб.-метод. комплекс / В.А. Уткин. – 4-е изд., испр. и доп. – Томск : НТЛ, 2015. – 120 с.

4. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2014 год // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/export/sites/default/other_documents/doklad_ro_MP_2014.pdf. – Дата доступа: 11.02.2016.

5. О выполнении решения Европейского Суда по правам человека: Письмо ФСИН Минюста России от 17 декабря 2010 года № 10/1-4376 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902262719>. – Дата доступа: 11.02.2016.

6. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05): Постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. // Бюл. Европ. Суда по правам человека. – 2014. – № 2.

Дата поступления в редакцию: 24.04.16

F.V. Grushin, Candidate of Juridical Sciences, Doctoral of the Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE IMPACT OF THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN SHAPING PENAL POLICY AND LEGISLATION RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the features of the influence of the European Court of human rights on the formation of penal policy and legislation Russian Federation. This analyzes the individual decisions of the ECHR in respect of suspects, accused and convicted of citizens of the Russian Federation. Given the modern position of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the decisions of the ECHR. In the article taking to evaluate response of the Federal penitentiary service of Russia on the findings and suggestions made in the decisions of the ECHR.

Keywords: the judgment of the ECHR, penal laws, factors, Constitutional Court of the Russian Federation, criminally-executive system, convicted.

УДК 343.85

А.А. Ескендиоров, кандидат юридических наук, начальник Института послевузовского и дополнительного образования Алматинской академии МВД Республики Казахстан
(e-mail: aidos.78@mail.ru)

ДЕТСКАЯ БЕЗНАДЗОРНОСТЬ, ПРАВОНАРУШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ И СУБЪЕКТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются определения понятия специализированных субъектов профилактики детской безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, их система. Дан анализ взглядов ученых-юристов на структуру специализированных субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Рассмотрен ряд проблемных аспектов организации профилактического воздействия на отклоняющееся поведение подростков.

Ключевые слова: детская безнадзорность, правонарушения несовершеннолетних, профилактика, отклоняющееся поведение

Критериями современного государства являются его демократические, правовые и социальные гарантии, обеспечивающие незыблемость высших ценностей: человека, его жизни, прав и свобод. И соответственно для сохранения достойной жизни и здорового развития общества необходима забота о браке и семье, материнстве, отцовстве и детстве.

Линию государственной политики по охране и защите прав детей, обеспечению их благополучия и здорового развития составляет деятельность по профилактике уголовных правонарушений несовершеннолетних. Преступность несовершеннолетних имеет свои специфические особенности, и рассматривать ее надо в качестве самостоятельного объекта изучения. Через научную призму анализа и разработок проблема должна быть разрешена в процессе правоприменительной деятельности уполномоченных органов, учреждений и должностных лиц.